

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ  
УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

С Е Р И Я

НОВОЕ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

**А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ**  
**КУЛЬТУРОЛОГИЯ**  
**ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА**

Санкт-Петербург  
2022

### 1.3. ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ

---

Развитие современной теории культуры находится в стадии завершения процесса самоопределения. Происходящее уточнение ее статуса в качестве интеграционного, целостного социогуманитарного знания повышает роль обобщающих теоретических концепций. В связи с этим научное наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева все больше привлекает внимание культурологов<sup>1</sup>.

Знаток и исследователь древнерусской литературы, историк и теоретик искусства, просветитель и гражданин, борец за сохранение и развитие отечественного культурного наследия, **Дмитрий Лихачев был**, как это становится все более очевидным, выдающимся мыслителем-культурологом, **создателем собственной теории культуры** — самобытной, оригинальной и вместе с тем органически вписывающейся в сегодняшние дискуссии о содержании этой науки. Подчеркнем сразу: учитывая мировой научный опыт, Д. С. Лихачев развивал именно **российскую культурологию**, неразрывно связанную с особенностями отечественного исторического развития.

Дискуссии о предмете культурологии носят достаточно абстрактный характер до тех пор, пока не появляются личности, выступающие зримым обнаружением, несомненной явленностью этой научной области. И теперь, когда есть возможность окинуть взором все наследие великого русского ученого, становится ясно, что Лихачев был подлинным, истинным культурологом, само творчество которого убедительно доказывало и реальность, и насущность этой науки.

Ученый не предавался размышлениям о «междисциплинарном характере» культурологии, о том, на основе каких областей знаний она

---

<sup>1</sup> См., например: Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Международные Лихачевские научные чтения, 26–27 мая 2006 г. / СПбГУП. СПб., 2006; *Гусейнов А. А.* Культурология Дмитрия Лихачева: коммент. к кн. Д. С. Лихачева «Избранные труды по русской и мировой культуре» / А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий; СПбГУП. СПб., 2006; *Жукова О. А.* История русской культуры и современность // Вопросы истории. 2006. № 8. С. 112–113; *Запесоцкий А. С.* Нам предстоит узнать Дмитрия Лихачева // Вопросы культурологии. 2006. № 8. С. 9–13.

возникает, — он предпочитал **прямые интуиции, связанные с феноменом культуры, с живым опытом ее осмысления.**

**Д. С. Лихачев развивал культурологию как разновидность универсального гуманитарного знания, охватывающего все пространство человеческого бытия.** Чем бы ни занимался ученый — «Словом о полку Игореве» или Пушкиным, древнерусской архитектурой или Достоевским, проблемами сохранения наследия или феноменом Петербурга, особенностями тюремного жаргона или садами и парками России, везде он выходил за узкопрофессиональные границы, на широкий социально-исторический простор, в многомерность культурного пространства, **вписывал изучаемое явление в контекст целого — культуры.**

Даже в те времена, когда академик занимался, казалось бы, «только» литературой Древней Руси<sup>1</sup>, его методом был именно культурологический подход, он исследовал такие вопросы, как системный характер и качественное своеобразие древнерусской письменности, пространство и время художественного, общеэстетические характеристики древнерусского творчества.

Культура никогда не была для Д. С. Лихачева результатом абстрактного «обобщения», арифметической суммой фактов, сведений, имен — он видел ее как целостность, как сущностное ядро обнаружения человека в мире, как многообразие форм такого обнаружения. «Мне представляется чрезвычайно важным, — писал ученый, — рассматривать культуру как некое органическое, целостное явление, как своего рода среду, в которой существуют свои общие для разных аспектов культуры тенденции, законы взаимоприращения и взаимоотталкивания... Мне представляется необходимым рассматривать культуру как определенное пространство, сакральное поле, из которого нельзя, как в игре в бирюльки, изъять одну какую-либо часть, не сдвинув остальные. Общее падение культуры непременно наступает при утрате какой-либо одной ее части»<sup>2</sup>.

Дмитрий Лихачев шел в русле главных тенденций российской науки XX века, для которой «культурологизм» всегда был имманентно присущей характеристикой, а потребность выходить на широкие культурологические обобщения вытекала из самой логики научного поиска. Постигал ли социально-историческую сущность психического Л. С. Выготский, исследовал ли языковые и литературные закономерности Ю. Н. Тынянов, изучал ли историю философии А. Ф. Лосев,

---

<sup>1</sup> См.: *Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы*. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1979.

<sup>2</sup> *Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 350.*

познавал ли природу сказки В. Я. Пропп, выявлял ли особенности пушкинской поэтики Р. О. Якобсон, прослеживал ли диалоговую природу художественного сознания М. М. Бахтин, исследовала ли природу мифа О. М. Фрейденберг — всюду мы видим выход на широкие культурологические горизонты. И эта традиция целостного постижения культуры, выдающимся представителем которой является Д. С. Лихачев, в высшей степени присуща отечественной гуманитарной мысли, а возможно, является главной ее отличительной чертой.

Однако в последние десятилетия, оформляясь как самостоятельная область знания, отечественная культурология находилась под сильным влиянием американской социальной и культурной антропологии, склонной к этнографическому, этнологическому пониманию культуры, к изучению ее как совокупности «обычаев и нравов». **Д. С. Лихачев возвращает в культурологию русскую традицию целостного постижения, объемного видения культуры.**

Дмитрию Сергеевичу, теоретику культуры, свойствен именно концептуальный взгляд на ее сущность и место в жизни человека и общества. Следует отметить, что базовые, основополагающие воззрения ученого на культуру практически совпадают с классическими, общепринятыми в данной отрасли знания. Культура в его понимании есть человеческая форма жизни, то, что выделяет человека из природы и отличает от других живых существ. Это — человеческое пространство и человеческий способ существования в мире.

Как справедливо отмечает академик А. А. Гусейнов, для культурологической концепции Дмитрия Сергеевича особую роль играют два положения: **культура исторична и культура целостна**<sup>1</sup>.

Культура цементирует человеческую общность, придает ей ориентиры и самобытность. «Культура — это огромное *целостное* явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения — народом, нацией. В понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства»<sup>2</sup>, — пишет Д. С. Лихачев. Культура как пространство, имеющее объем и глубину, культура как духовный континуум обнаружения, взращивания и сохранения ценностей человеческого существования — вот, пожалуй, что могло бы стать обобщающей формулой лихачевского подхода.

Культура также может быть представлена как поле явлений, имеющих языковые значения. В связи с этим представляется исключитель-

---

<sup>1</sup> Гусейнов А. А. О культурологии Д. С. Лихачева // Гусейнов А. А. Культурология Дмитрия Лихачева / А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий. С. 25.

<sup>2</sup> Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 349.

но важной разработка Д. С. Лихачевым понятия **концептосферы языка**. «Концепт, — пояснял ученый, — не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека»<sup>1</sup>. Так возникает концептосфера языка, под которой Лихачев понимал «слова-концентраты культурных значений», несущие специфические ценности, отражающие своеобразие и уникальность данной национальной общности. Смысловое содержание языковых единиц он рассматривал в тесной связи с этнокультурным наполнением. Структура и значение языковых единиц, по Лихачеву, непосредственно выводят нас в сферу социально-исторических закономерностей.

Размышляя над первой фразой Евангелия от Иоанна «В начале было Слово», Д. С. Лихачев неоднократно подчеркивал, что Слово в русской культуре — нечто большее, чем имя вещей. Это нечто, предваряющее саму действительность, это идея, определяющая ее воплощение, Логос, который предшествует бытию, определяя все его реальные проявления.

**Лихачев раскрыл особую роль национального языка, мир которого удерживает культуру как системную целостность, концентрирует культурные смыслы** на всех уровнях бытия — от нации в целом до отдельной личности: «Одно из самых главных проявлений культуры — язык. Язык не просто средство коммуникации, но прежде всего *творец, создатель*. Не только культура, но и весь мир берет свое начало в Слове. <...> Слово, язык помогают нам видеть, замечать и понимать то, чего мы без него не увидели бы и не поняли, открывают человеку окружающий мир.

Явление, которое не имеет названия, как бы отсутствует в мире. Мы можем его только угадывать с помощью других связанных с ним и уже названных явлений, но как нечто оригинальное, самобытное оно для человечества отсутствует. Отсюда ясно, какое огромное значение имеет для народа богатство языка, определяющее богатство “культурного сознания” мира»<sup>2</sup>.

Национальный язык, считал академик, не только средство общения или знаковая система передачи информации, он выступает «заместителем» русской культуры, формой концентрации ее духовного богатства<sup>3</sup>.

В органической взаимосвязи с размышлением о природе феномена культуры разрабатывал Д. С. Лихачев и понятие **экологии культуры**, открывая новое, в высшей степени важное направление научной мысли, связанное с главными болевыми точками современной цивилиза-

<sup>1</sup> Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 319.

<sup>2</sup> Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Там же. С. 354–355.

<sup>3</sup> Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Там же. С. 324.

ции. Человек существует в определенной природной среде, загрязнение, истощение, уничтожение которой грозит гибелью человеческого рода. В самом деле, что может быть страшнее загрязнения воздуха, водоемов, уничтожения лесов, животного мира — всего того, что являлось материнским лоном рождения человеческих сообществ? Но существует еще одна реальность, помимо биологической, и не менее важная, это — **реальность культуры**. Казалось бы, иногда данная реальность трудноуловима, эфемерна. Между тем необходимость ее от этого ничуть не меньше. И если гибель природы угрожает человеку как биологическому виду, то культура угрожает ему как существу социальной и духовной: «Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его “духовной оседлости”, для его привязанности к родным местам, нравственной самодисциплины и социальности»<sup>1</sup>.

Но культура — не просто «целостность». У нее есть вектор развития, направление, скрепляющий ее внутренний стержень. Целостность культуры распадается, либо остается чисто формальной, если ее не скрепляет единая идея. Для Д. С. Лихачева это — ее **нравственная составляющая** как необходимое условие полноценного человеческого бытия. Вопрос о том, что такое культура, перерастает в вопрос, что делает (или не делает) культура, как она воздействует (или не воздействует) на личность. Конечно же, ученый видел в культуре и идеальное измерение человеческого бытия, его духовную составляющую. Заметим, что в том же ключе рассматривал проблему идеального выдающийся российский философ Эвальд Ильенков, для которого идеальное, духовное было смысловым наполнением человеческого существования<sup>2</sup>.

Дмитрий Сергеевич отчетливо сознавал, что современный нравственный кризис, разгул нигилизма и вседозволенности, жажда обогащения любой ценой, настоящий шабаш массовой псевдокультуры связаны именно с потерей культурных корней, с утратой «нравственной оседлости», разрушением духовно-личностных опор. Чем жив человек? — вот исходная точка размышлений великого ученого.

Нетривиален его подход к постижению **исторических закономерностей развития культуры**. Д. С. Лихачев — ученый XX века — не разделял упрощенно-просветительские взгляды на эволюцию культуры, не питал иллюзий насчет ее «однолинейного прогресса». Вместе с тем не был он и сторонником концепций «культурно-исторических цик-

---

<sup>1</sup> Лихачев Д. С. Экология культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 331.

<sup>2</sup> Ильенков Э. В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991.

лов», «замкнутых цивилизаций» типа Шпенглера–Тойнби<sup>1</sup>. Его позиция, если можно так выразиться, отчасти вбирала в себя и то и другое. Отчетливо видя качественное своеобразие культурно-исторических эпох, вступающих во взаимный диалог, чувствуя «уникальный лик» каждой из них, Лихачев тем не менее был убежден в существовании «сквозных линий» в историческом движении, в присутствии общих тенденций, в наличии общей направленности культурного развития.

Указанная общая направленность существует в движении «от хаоса к гармонии», в постепенном, все более отчетливом выявлении высших смыслов человеческого бытия, в приближении к свободе, в нарастании гуманистического начала. В этом Дмитрий Сергеевич был близок к позиции выдающегося русского ученого Николая Ивановича Конрада, высказанной им в известной книге «Запад и Восток». Прекрасно понимая всю сложность, противоречивость, порой катастрофичность исторического развития, Н. И. Конрад верил в наличие идеи, пропитывающей и объединяющей разрозненные явления культурной мозаики. Это была для него идея гуманизма. «Идея гуманизма есть высшая по своей общественной значимости этическая категория. Она всегда была высшим критерием настоящего человеческого прогресса»<sup>2</sup>.

Характерна в данном плане работа академика Лихачева «Прогрессивные линии развития в истории русской литературы»<sup>3</sup>. Создана она была на материале эволюции художественного творчества, казалось бы, менее всего поддающегося истолкованию в терминах «прогресса». И все-таки ученый обосновывал наличие общих составляющих, сквозных тенденций литературного развития. К ним он относил: снижение прямолинейной условности, возрастание организованности и личного начала, увеличение удельного веса «сектора свободы», рост и обогащение гуманистического сознания и ряд других. Само развитие искусства академик представлял как сложный диалог, взаимопереплетение и взаимоперекличку школ, направлений, сюжетов и тематики, как «контрапункт стилей».

Бесспорная заслуга Д. С. Лихачева — разработка и совершенствование самой **методологии историко-культурного исследования**, уточнения и обновления научных оценок исторических эпох.

Анализируя **динамику культурных процессов**, Д. С. Лихачев приходит к выводу, что культура не только (а может быть, и не столько)

---

<sup>1</sup> Шпенглер О. Закат Европы. М.: Искусство, 1993; Тойнби А. Исследование истории. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, Изд-во Олега Абышко, 2006.

<sup>2</sup> Конрад Н. И. О смысле истории // Конрад Н. И. Запад и Восток: ст. М.: Гл. ред. восточ. лит., 1972. С. 485.

<sup>3</sup> Лихачев Д. С. Прогрессивные линии развития в истории русской литературы // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 44–86.

меняется, эволюционирует, сколько накапливается, усваивается (или не усваивается), создается (или утрачивается). Прошлое не уходит бесследно, не «заменяется» настоящим, а продолжается в нем, лишь трансформируясь, обновляясь, меняя формы, принимая другие облики. С этими представлениями было связано видение ученым древнерусской культуры — эпицентра его научных интересов в первой половине XX века. Академик показывает, что в определенный период «забвение» древнерусской литературы было относительным, что, по сути дела, традиция древнерусской культуры, древнерусского искусства никогда не умирала, она продолжала жить и влиять, более того, ее значение все более явственно «проступало» в истории Нового времени. Древняя Русь продолжала жить в фольклоре, в быте, в обычаях, в зодчестве, в любочных изданиях<sup>1</sup>.

Осознанное усвоение традиций древнерусского искусства, его очевидное возвращение, по Лихачеву, начинается с конца XIX века: обращение к традициям иконописи в творчестве М. Нестерова, В. Васнецова, М. Врубеля, Н. Рериха, возрастание влияния парсунного письма, возрождение первоизданности цвета в творчестве Б. Кустодиева, К. Петрова-Водкина, М. Шагала. К древней иконописи активно обращается русский авангард: К. Малевич, П. Филонов, Н. Гончарова. Причем это не копирование, не подражание, а воскрешение на уровне «живого», работающего художественного метода. Достояна особого внимания идея академика о том, что в этот период, начиная примерно с XIV века, на Руси нарастают ренессансные явления (рост личностного начала, распад патриархального быта, трансформации художественного творчества, секуляризация культуры и т. д.), но сам Ренессанс, в силу ряда исторических причин, в нашей стране не происходит.

И еще один важный момент: Д. С. Лихачев считал, что закономерности культурного развития охватывают прежде всего «средний уровень», саму «толщу» исторической эволюции, слой, где протекают «массовые процессы». Именно здесь можно проследить культурные изменения, в том числе и прогрессивные. «Прогресс — не в талантах и гениях, а именно в средних возможностях, в совершенствовании их и в расширении и усложнении художественной сущности литературы»<sup>2</sup>. Выдающиеся же личности — как бы немного «на обочине», выпадают из общего культурно-исторического контекста, выходят за рамки традиции и пределы нормы, в то же время выступая генератором бесконечного духовно-смыслового расширения творческих возможностей культуры.

---

<sup>1</sup> Лихачев Д. С. Русская культура Нового времени и Древняя Русь // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 178.

<sup>2</sup> Лихачев Д. С. Прогрессивные линии развития в истории русской литературы // Там же. С. 45.



Свою, продуманную позицию занимал ученый по отношению к **проблеме своеобразия России и русского культурно-исторического пути**. Глубоко чувствуя оригинальность русской духовности, Лихачев неоднократно подчеркивал европейский характер отечественной культуры: «Россия — несомненная Европа по религии и культуре. При этом в культуре ее не найти резких различий между западным Петербургом и восточным Владивостоком»<sup>1</sup>.

Это — проблема интереснейшая, требующая специального обсуждения. Свообразие ее решения Д. С. Лихачевым связано со своеобразием его взгляда на европейское, на сам феномен «европеизма». Европейской культуре, типу европейской духовности, считал ученый, присущи три фундаментальные особенности: это культура **личностная**, культура с ярко выраженной индивидуальностью; она **универсальна**, «всеотзывчива», предельно восприимчива к другим духовным мирам; она основана на **свободе творческого самовыражения**<sup>2</sup>.

Эти три особенности, по мнению ученого, — порождение христианства. Христианство — единственная из религий, в которой Бог — живое, теплое, любящее, личностное существо, — стало духовной базой европейской культуры. Высокая оценка Д. С. Лихачевым христианства вызывает в памяти воззрения выдающегося русского философа Ивана Ильина. Уважительно относясь ко всем религиям, Ильин тем не менее особое место отводил христианству. Он подчеркивал в нем наличие экзистенциального, глубоко интимного начала, связанного с внутренней духовной высотой человека, прикосновенностью к жизни человеческого сердца, человеческих эмоций<sup>3</sup>. Определенная преемственность идей Ильина и Лихачева несомненна. Академик стремился соединить распавшуюся связь времен, возрождая великую русскую духовную традицию, трагически прерванную на долгие десятилетия.

**Те черты, которые Федор Достоевский** в своей известной речи 8 июня 1880 года, посвященной открытию в Москве памятника Пушкину, **отнес к специфике русского самосознания** (всеотзывчивость, открытость навстречу другому, эмоциональную восприимчивость)<sup>4</sup>, **Лихачев считал присущими европейской культуре в целом**: «Европеец способен изучать, включать в свою орбиту все культурные явления, все “камни”, все могилы. Все они “родные”. Он воспринимает все цен-

---

<sup>1</sup> Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 384.

<sup>2</sup> Лихачев Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Там же. С. 363–364.

<sup>3</sup> См., например: Ильин И. А. Основы христианской культуры. СПб.: Шпиль, 2004.

<sup>4</sup> Лихачев Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 364.

ное не только умом, но и сердцем»<sup>1</sup>. Саму же европейскую культуру Д. С. Лихачев считал общечеловеческой, вбиравшей в себя и способной учесть опыт всех других культур. **Через общеевропейское к всечеловеческому — такова была его формула для развития России.** В качестве одного из ярчайших доказательств общечеловечности русской культуры (в то же время и общеевропейской) он приводил творчество Пушкина — глубоко национального гения, открытого всему богатству бытия, которому были ведомы и внятны миры других народов и наций, их уникальность и своеобычность.

Академик видел в европейском сознании не те черты, которые числила за ним мысль славянофильского толка, противопоставлявшая Россию Западу (рационализм, рассудочность, опора на научный тип познания, технократизм), а принципиально иные, что во многом исключало для Лихачева самую основу спора западников и славянофилов. Даже **соборность**, которую обыкновенно считают характерной чертой православного мира, **Д. С. Лихачев рассматривал как черту универсально-европейскую.**

К модному сегодня «евразийству» ученый относился негативно. Он был категорически против утверждений, что России присуще некое «туранское начало», считал, что взгляды такого рода уводят нас в сторону домыслов, произвольных фантазий. Гораздо большее значение, чем антитеза «Запад — Восток», утверждал он, имеет для России соотношение «Север — Юг». Россия — не столько «Евразия», сколько «Скандо-славия» или «Скандовизантия»: «Азиатское начало в русской культуре лишь мерещится. Мы находимся между Европой и Азией только географически, я бы даже сказал — “картографически”. Если смотреть на Россию с Запада, то мы, конечно, находимся на Востоке, или, по крайней мере, между Востоком и Западом. Но ведь французы видели и в Германии Восток, а немцы, в свою очередь, усматривали Восток в Польше»<sup>2</sup>. Однако отрицательное отношение Лихачева к «евразийству» не помешало ему способствовать публикации работ «евразийца» Льва Гумилева.

Позиция академика не сводилась к выделению «европейского начала» в русской культуре. Исследуя специфику русской литературы, изучая своеобразие и своеобычность духовного мира Древней Руси, Д. С. Лихачев отмечал: никогда не имело места слепое, механическое копирование западного опыта, но творческая переработка чужого, оригинальное усвоение, изменение применительно к российской специфи-

---

<sup>1</sup> Лихачев Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 364.

<sup>2</sup> Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Там же. С. 359.

ке. Ученый писал об этом: «Бессмысленно задаваться вопросом — была ли культура Руси до Петра “отсталой” или не отсталой, высокой или не высокой. Нелепо сравнивать культуры “по росту” — кто выше, кто ниже. Русь, создавшая замечательное зодчество <...> высокую хоровую музыку, красивейшую церковную обрядность, сохранившая ценнейшие реликты религиозной древности, прославленные фрески и иконы, но не знавшая университетской науки, представляла собой просто особый тип культуры с высокой религиозной и художественной практикой»<sup>1</sup>.

Наивысшим воплощением специфики российской культуры, своеобразного сочетания «русского» и «европейского» был для Дмитрия Сергеевича Петербург. Ученый внес первостепенный вклад в формирующуюся последние десятилетия область знания, которую можно назвать **культурологией Петербурга**. Особо следует выделить в этом плане его лекцию «Петербург в истории русской культуры», прочитанную 19 мая 1993 года при посвящении в Почетные доктора Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов.

Академик считает, что при своей «европейскости» Петербург — чрезвычайно русский город: «Нам говорят, что Петербург по своему внешнему облику самый европейский из русских городов. И из этого исходят, характеризуя русскую культуру. Да, это так, но и не так!»<sup>2</sup> Черты «русскости» ученый видит в обилии архитектурных традиций Москвы XVII века, в наличии большого количества гостиных дворов по типу Архангельска, Новгорода, Костромы, Ярославля, Калуги, в русских церквях, которые в XIX века строились в «русском стиле». Петербург — «русско-европейский город», он и «чрезвычайно европейский и чрезвычайно русский», — делает вывод Д. С. Лихачев<sup>3</sup>. Даже многочисленные итальянские архитекторы, работавшие здесь, не сделали его «итальянским». По Лихачеву, уникальность Петербурга в том, что это — **«город общемировых культурных интересов»<sup>4</sup>, соединивший в себе градостроительные и культурные принципы различных европейских стран и допетровской Руси**. При этом суть петербургской культуры — не в похожести на Европу, а в концентрации лучших сторон русской и мировой культуры.

Важной особенностью Петербурга Дмитрий Сергеевич считает «его научную связь со всем миром». Другая существенная сторона Петербурга — **академизм** во всех его проявлениях, «склонность к классическому искусству, классическим формам. Это проявилось как внешне —

---

<sup>1</sup> Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 378.

<sup>2</sup> Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Там же. С. 262.

<sup>3</sup> Там же. С. 265.

<sup>4</sup> Там же. С. 266.

в зодчестве... так и в существе интересов петербургских авторов, творцов, педагогов и т. д.»<sup>1</sup>. По мнению ученого, в Петербурге все основные европейские и мировые стили приобретали классический характер. С академизмом тесно связана еще одна основополагающая черта петербургской культуры — **профессионализм**, который пронизывает и науку, и искусство, и ремесло, и общественно-политическую деятельность. Кроме того, Лихачев говорит о том, что этот концентрированный петербургский профессионализм **требует особого профессионального обучения и академического образования**. Истинный профессионализм должен базироваться на широком и глубоком общем образовании. «Поэтому профессионализм отнюдь не следует смешивать с узкой специализацией»<sup>2</sup>.

**Не случайно именно в Петербурге появился и кристаллизовался особый, в ряде отношений — высший «продукт» мировой культуры — интеллигенция**. По мысли Лихачева, это уникальный результат зрелости европейской духовной традиции, и в то же время — явление, сформировавшееся именно на российской почве закономерным образом.

Несомненна **религиозно-христианская составляющая** в мировоззрении Д. С. Лихачева. Будучи человеком веры, он понимал, что человеческое существование неотделимо от переживания святого, священного, от живого, трепетного соприкосновения с ним. В этом плане он чрезвычайно близок к взглядам русских религиозных философов эпохи «духовного Ренессанса», подчеркивавших роль религии, считавших, что религиозное сознание представляет собой как бы «несущую конструкцию» культуры, ее «духовный нерв». «Культура — это святыни народа, святыни нации»<sup>3</sup>. «Культура — это то, что в значительной мере оправдывает перед Богом существование народа и нации»<sup>4</sup> — вот характерные для Лихачева формулировки.

Дмитрий Сергеевич возвращал исходное, первоначальное значение такому важному понятию, как «Святая Русь», — «это, разумеется, не просто история нашей страны со всеми присущими ей соблазнами и грехами, но религиозные ценности России: храмы, иконы, святые места, места поклонений и места, связанные с исторической памятью. “Святая Русь” — это святыни нашей культуры, ее наука, ее тысячелетние культурные ценности»<sup>5</sup>. «Святыни “Святой Руси” не могут быть растеряны, проданы, поруганы, забыты, разбазарены: это смертный грех»<sup>6</sup>.

---

<sup>1</sup> Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 266–267.

<sup>2</sup> Там же. С. 268–269.

<sup>3</sup> Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Там же. С. 349.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Там же. С. 350.

И живое, конкретное чувствование значения духовных ценностей, и понимание культуры как святыни, и острая боль за попорченное, поруганное, и переживание вины, греха — все это у Лихачева подлинно христианское, православное. Значительный урон русскому менталитету и русскому языку, считал академик, нанесло запрещение после революции преподавания Закона Божия, церковнославянского языка. При этом не только прервалась традиция, стали непонятны многие тексты псалмов, Священного Писания — вытеснению подверглись «опорные конструкции» русской духовной культуры, базовые структуры российского менталитета. Был нанесен урон, который долго еще предстоит осмысливать и преодолеть.

Теперь, с учетом изложенного, представляется целесообразным вернуться к перечисленным ранее особенностям культурологического метода Д. С. Лихачева.

**Понимание культуры как целостности** воплощается во взаимодополнении двух векторов размышлений ученого. С одной стороны, глубокий научный потенциал и высочайший нравственный пафос имеет идея Дмитрия Сергеевича о целостности культурных и природных систем, где целое предшествует части, определяя ее сущность и функции. Академик полагал, что культурология в этой ипостаси близка экологии — и та и другая наука должны изучать всю взаимосвязанность системы, понимая мир природы и культуры как целое, которое предшествует бытию каждой части, определяет все ее проявления.

С другой стороны, Д. С. Лихачев рассматривал каждый отдельный феномен культуры как «зеркало», отражающее культурную систему в ее системном единстве. Искусство и язык, религиозно-философские взгляды, быт и нравы, обычаи и право — все, что создано руками и разумом человека, есть предмет культурологии, обращение к которому позволяет полнее и глубже понять специфику культурного целого. При этом академик конструирует свое особое видение внутреннего морфологического строения культуры, выделяя своего рода культурные комплексы и исследуя их взаимовлияние и эволюции.

Однако непосредственным объектом его анализа становятся текст-источники, выступающие «пассивной» формой отражения целостного культурно-исторического, этнокультурного, духовно-нравственного, социально-психологического и ментального комплекса культуры. Это прежде всего тексты художественной и религиозной культуры, которые определяют культурную вертикаль и принадлежат к высшим проявлениям человеческого духа, являют собой творческое начало «антиэнтропийной направленности», противостоящее энтропическому погружению в бессловесность и хаос.

Академик фундаментально обосновал **перспективное направление самоопределения культурологии** как особой сферы знания, кото-

рое со временем все больше проявляет актуальность; в рамках этой парадигмы **знание трактуется как результат специфической методологии, упорядочивающей, понимающей и интерпретирующей информацию, полученную о культуре другими науками.** При этом культурология не обязательно обращается к культуре в ее эмпирических формах — она на более высоком уровне обобщенности создает и воссоздает феномен культуры как системной целостности, используя для этих целей результаты других наук социально-гуманитарного цикла путем переосмысления и переинтерпретации эмпирических сведений и базирующихся на них концепций, выведения смысловых мостов между различными областями знаний, выявления их взаимодополняющего характера, что не только придает культурологическому знанию подлинно комплексный и междисциплинарный характер, но и обеспечивает синергетический эффект: (не сколько большее знание, сколько неожиданное, не вытекающее из отдельных частей).

Говоря об **онтологизме историко-культурного дискурса, его проектно-модельном характере** как еще одной новации Лихачева в области методологии, следует отметить его стремление утвердить в научной среде **право на реконструкцию**, то есть на создание целостных моделей утраченных культурных и исторических реалий путем восполнения лакун, и не только непротиворечивыми гипотетическими предположениями, но и верой исследователя, его творящей любовью. Новое знание прорастает здесь из интуиции, а интуиция из целостного системного видения культуры.

Фундаментальной культурологической идеей Дмитрия Сергеевича, важной для сегодняшнего самосознания духовной уникальности России, является его утверждение о том, что **модели национального будущего коренятся в прошлом.** Новое — в старом, но не стареющем, в ушедшем, но бессмертном, в забытом, но актуальном. Академик Лихачев показывает, как в разные времена, когда надо было определить или скорректировать духовные основания национального возрождения, Русь обращалась к минувшим эпохам. Причем выбор событий прошлого носил во многом субъективный характер, он был продиктован необходимостью решения современных проблем. Такой избирательный подход к прошлому закономерен: историю народа можно рассматривать как своеобразное коллективное повествование, которое разворачивается вокруг определенных событий и личностей, значимых для национального самосознания. Выбор этих эпох, событий и персон не случаен — он подчинен потребности нации в осмыслении ее актуального положения, в понимании ее возможного будущего.

«Право» на **проектный взгляд** ученого — сугубо культурологический подход, который ранее считался недопустимым в рамках классической исторической методологии. Его суть заключается в найденном

равновесии между прошлым и будущим — ученый находит в историческом прошлом креативно-событийные линии, которые сохраняют свою креативную энергию в историческом времени, то есть при движении культуры от прошлого — через настоящее — к будущему.

Таким образом, выстраивается своеобразная методология культурно-исторического мышления, которая получает теоретическое обоснование, в том числе и в определении Лихачевым стиля древнерусской литературы как «историко-монументального». Подобное понимание не только ориентировало исследователя на достоверность излагаемого им материала, на историзм, понимаемый как правдивость факта: требование монументальности предполагало концентрацию внимания только на таких фактах, которые были актуальны для общества в момент исследования. Ученый рассматривал факты, которые являлись определяющими для исторического бытия современной ему России. И в этом плане актуальность факта для него уравнивала в качестве предмета исследования различные культурные феномены: художественно-литературные тексты, архитектурные сооружения, политические реалии и т. д.

В текстах академика целостность культурного мира разворачивается в многообразии включаемых в понятие культуры явлений, в богатстве их взаимосвязей и взаимовлияний. Так проявляется **синтетичность, комплексность и универсализм лихачевского метода познания культуры**. Русская культура как бы открывает свои неизведанные ранее грани ученому-филологу, историку, литературоведу, философу культуры. В фокусе этих подходов рождается **компаративность научного анализа — извлечение нового знания как результат сопоставления изучаемых объектов**. Основными особенностями этого исследовательского метода являются сочетание строгого исторического и образно-интерпретационного подходов в анализе эпохи, синтез исторически достоверного фактического материала и интуитивного его осмысления, смысловая модификация в трактовке содержания основных категорий. Компаративность предполагает обращение к широкому и многослойному феномену культуры, объединяющему ее разные виды и формы, анализ явления культуры в родственном ему историческом, культурном, художественном контексте и во взаимодействии с другими сферами социального, политического, экономического и иного бытия.

**Нравственная отягощенность культурологического дискурса** Д. С. Лихачева нередко ошибочно трактовалась коллегами как «чрезмерная простота» и «излишняя публицистичность» работ последних лет. Для текстов академика характерна их экзистенциальная направленность, насыщенность этической проблематикой. Эта линия является логичным продолжением одной из центральных традиций русской философской мысли, которая всегда исповедовала принцип онтологического реализма, глубокого проникновения познания в реальность, сосредоточенно-

сти на вечных вопросах бытия, в том числе и на основе религиозной интуиции.

Д. С. Лихачев немало размышляет о сознании вины и ответственности ученого, который словом может разрушать реальность. Понимание того, что «слово есть глагол», и сознание обреченности любого пишущего (вспомним древнерусское понимание «книжника» как всякого, имеющего дело с книгой) на публицистичность, понимание невозможности уйти от «больных проблем» современности даже при, казалось бы, самом отвлеченном от них предмете исследования — все это и есть проявление лихачевского понимания моральной ответственности ученого. Лейтмотивом творчества становится тема нравственности ученого, интеллигента, которая рассматривается в контексте всей русской словесности.

Русский народ, подчеркивал Дмитрий Сергеевич, владеет огромными ценностями. При этом их своеобразие он связывал во многом с русской литературой, художественная сила которой опирается на ее нравственный пафос.

Д. С. Лихачев, раскрывая идею духовной и стилистической целостности культуры, выводит принцип высочайшей ответственности человека за разрушение сложившихся в мире взаимосвязей — как материальных, так и духовных. Этот принцип был с максимальной полнотой воплощен в его личной научной деятельности, творчестве и гражданской, общественной позиции ученого. Не только научное наследие академика Лихачева, но и его биография — достойный ответ и на вызовы противоречивого периода советской истории, и на духовные разломы 1990-х годов.

**Гуманистичность культурологического метода Д. С. Лихачева** проявляется в стремлении выявить в историческом процессе ту его составляющую, которая определяет нравственный смысл истории народа, его «божий замысел». Гуманизм культуры — это мера ее человечности, утверждения в качестве высшей ценности человека как личности, его права на свободное развитие. Дмитрий Сергеевич в своих работах убедительно показывает, что **развитие культуры осуществляется через хаос к гармонии, через просветление высшего смысла, через возрастание организованности культурных форм, увеличение сектора свободы, возвращение личностного, гуманистического начала.**

Гуманистичность лихачевского метода проявлялась не только в поиске Истины, в его попытках разглядеть в культуре душу народа, но и в ее творении — Словом, Верой, энергией Любви. Его видение гуманистической сущности русской культуры — это своеобразный замысел, который открывается сознанию просвещенных и ищущих. **Культурологический дискурс**, как и система идеологии, **оформляет, конституирует**



**туирует, регулирует и творит культурную практику.** Не случайно академик вновь и вновь возвращался к феномену Слова в русской культуре, которое, считал он, — нечто большее, чем имя вещей. Слово есть Идея, предваряющая саму действительность и определяющая ее воплощение, оно — не просто усиливающее эффект «зеркало культуры», но и духовная стихия, преобразующая реальность, придающая ей духовную ценность и смысл. Своим словом академик Лихачев пытался остановить стихию «расчеловечивания» человека, противопоставить Хаосу времени Логос духовности.

Таким образом, культурология Лихачева включает и творчески преобразовывает самые разные интенции — рационалистическую и сакральную, традиционалистскую и инновационную, европоцентристскую и почвенническую. В то же время это — культурология сочувствия и прозрения, пророчества и жертвенного служения Истине.

Обозначенные выше смысловые линии, определяющие особенности культурологического метода Д. С. Лихачева, пронизывают фактологический контекст всех трудов периода научной зрелости ученого — от середины XX века до его ухода из жизни. Синтетичность, комплексность, универсализм и гуманистичность культурологического метода Дмитрия Сергеевича, его взгляды на культуру как системную целостность, онтологизм историко-культурного знания и нравственный нерв культурологического дискурса составляют пока неосвоенное богатство отечественных гуманитарных наук.

Вместе с тем не приходится сомневаться, что анализ работ Д. С. Лихачева в ближайшем будущем составит блистательный раздел университетских учебников по истории культурологических учений.

Самое интересное, что ученому удалось предвосхитить будущее. Его культурологические труды содержат ответы на многие острейшие вопросы современности либо определяют направление поисков этих ответов.